

Глава 155: Спланированное (часть 1)

Землю устилал сломанный кафель, создавая полный беспорядок. В подземелье, как и всегда, стояла мёртвая тишина. Толпа людей бросилась за служанкой через коридор в подземелье, и вошла в обшарканную кирпичную комнату.

Потолок захудалой комнаты протёк, пол был покрыт пятнами воды от дождя. Стены покрывали зловещие трещины. В комнату из отверстий в крыше со свистом проникал холодный ветер. Как здесь можно жить; это явно свинарник!

Видя, что ранее благородная и безупречно красивая императрица оказалась в таком месте, несколько ее ближайших помощников прикрыли рот рукой.

Оборванная деревянная кровать стояла в углу. Императрица Жун безмятежно лежала с закрытыми глазами. Она будто спала среди цветов. На первый взгляд, казалось, что она просто спит. Однако при ближайшем рассмотрении, было видно, что она уже не дышит. Все знали, что императрица Жун, которая была благородной и красивой, уже умерла.

Раздался звук, застав императора и Великую императрицу врасплох. Когда они обернулись, они заметили на столе кусок бумаги, придавленный обломком скалы. Звук, который они слышали, был звуком развевающейся бумаги на ветру.

Великая императрица подошла, чтобы взять бумагу. После внимательного прочтения, она сокрушенно покачала головой. Даже обычно прохладная Великая императрица не могла контролировать слезы, которые упали из ее глаз на бумагу. Это было слишком угнетающе и трогательно.

Великая императрица бросила бумагу на императора и сердито крикнула: «Ты! Посмотри, что ты наделал. Это все твоя вина!»

Глядя на императрицу, безмятежно лежащую на деревянном столе, слезы императора также начали размывать его взор. Когда он смотрел на женщину с красотой пиона на кровати, его прошлые воспоминания начали всплывать в его голове снова и снова. Люди отличаются от животных; как он мог быть таким бессердечным? Только потеряв, император, наконец, понял, кто был его величайшим сокровищем, его наиболее любимым человеком!

Он молча взял письмо и внимательно прочёл. Предсмертная записка была наполнена негодованием и сентиментальностью, тоской и разочарованием. Женщина, настолько красивая, любила его так глубоко, что покончила с собой, потому что он был непостоянен и холоден.

«Ах...» - после прочтения письма, император взвыл от горя. Его крики были опустошающими, как крик обезьяны, которая плакала кровавыми слезами, и древнего дерева, которое выло.

(Примечание: Это дословный перевод, я понятия не имею, что это значит, поэтому я обратился к google. Это, по-видимому, относится к двум историям, одна из них об обезьяне, которая потеряла своего сына и супруга. Она нашла их тела, которые были изувечены, поэтому она плакала кровавыми слезами. Другая история про деревья, которые грустили из-за того, что люди вырубали другие деревья. Так они выражали печаль - физическим воем)

В момент, что он потерял императрицу, император, наконец, понял, что женщиной, которую он любил больше всего, была Ань Жун. Его чувства к ней превосходили даже любовь к семье и самому себе.

Когда Жун была еще жив, он не обращал внимания на ее хорошие стороны. Тем не менее, теперь, когда она ушла от него, он вдруг обнаружил, что его сердце ощутило так много боли, что он даже не мог дышать или думать. Сцены последних тридцати шести лет проигрывались у него в голове одна за другой, как в кино. Накопленные эмоции и переживания, которые он собрал, были шире моря.

Император вынужден был признать, что императорская наложница Хуа также дарила ему безграничную радость. Она волновала его по-другому, и часто посылала его душу в полёт. Тем не менее, это был просто приятный покой, к которому он мог изредка обратиться. Единственная женщина, которая действительно могло затронуть его сердце, это его императрица Жун!

Император не испытал бы удовольствия, если бы он потерял наложницу Хуа, но потеря императрицы Жун заставила его вдруг почувствовать себя опустошённым.

В течение последних трех лет, хотя император проводил каждую ночь в комнате императорской наложницы Хуа, он ежедневно выделял время императрице Ань Жун. Даже если они не говорили, а просто тихо сидели вместе, император чувствовал удовлетворение и покой. Несмотря на то, что между ними не было столько страсти, то самое теплое чувство он испытывал только с ней.

Император плотно сжал письмо в кулаке, и упал на колени перед кроватью. Он опустился на колени рядом с Жун, глядя на безмятежную, и, казалось бы, спящую императрицу. За последние несколько лет он был полностью поглощен императорской наложницей Хуа, и был холоден к Жун. Тем не менее, от начала до конца, она ни разу не сказала ему плохого слова. Всякий раз, когда он встречался с ней, она всегда была нежной и мягкой, как и прежде, ни разу не упрекая его за его действия.

Когда он смотрел на ее безупречное лицо, и ее естественную хорошо развитую фигуру, он понял, что потерял ту, которую любил больше всего.

Император также неожиданно обнаружил, что если сравнивать внешний вид или атмосферу, то наложница Хуа не могла сравниться с императрицей Ань Жун. Означает ли это... что за все эти годы, он был одержим призраком, и был настолько поглощен, что потерял свою рациональность?

Сравнительно говоря, наложнице Хуа было всего двадцать восемь лет. Несмотря на то, что она предоставляла свежий, стимулирующий опыт, она не понимала любовь, и не могла трону пятидесятилетнее сердце императора. Единственным человеком, который мог успокоить его сердце, была Жун.

Увидев плачущего императора, Великая императрица стукнула тростью и сердито крикнула: «Жалеешь теперь? Но какая от этого польза? Что ты раньше делал? Женщина, которая любила тебя так сильно, пострадала от унижения из-за тебя. Как она могла вынести всё это?»

В оцепенении, император посмотрел на императрицу Ань Жун и беззвучно пробормотал про себя: «Да... Я тот, кто довёл её, я тот, кто сделал ей больно!»

Великая императрица продолжала разглагольствовать: «Меня не волнует, как счастливо и беззаботно ты жил. Императрица и слова тебе ни говорила. Я когда-то сказала ей, что до тех пор, пока твое сердце принадлежит ей, не было никакой необходимости расстраиваться. Однако, теперь твоё сердце явно больше не с ней. Это мучительнее смерти. Столкнувшись с бездушием, что она могла сделать, кроме как не умереть? Жить так хуже, чем умереть!»

Великая императрица, казалось, с каждым словом становилась всё злее и злее: «Мужчина не должен отказываться от своей жены, которая прошла вместе с ним все невзгоды. Как мужчина, и император, ты можешь жить так, как захочешь. Но, быть настолько холодным, чтобы бросить свою собственную жену, слишком греховно»

Суо Цзя внутренне улыбался самому себе, когда он увидел, как горевали император и Великая императрица. На самом деле, все это было запланировано им. Вне зависимости от того, было ли это внезапное появление императора, или неожиданный визит Великой императрицы, Суо Цзя доверил их герцогу Венъ Ша. С властью и статусом Венъ Ша, у него в стране были свои связи. Хотя не всё было в его власти, такие мелкие задачи всё равно были выполнимы. Таким образом... Суо Цзя спланировал всё эту серию уловок одну за другой.

На данный момент все заговоры наложницы Хуа провалились. Тем не менее, это было только начало. Суо Цзя хотел не просто одолеть наложницу Хуа; если он не сможет помочь императрице сердце императора, это будет провал.

Люди всегда были такими. Потеряв что-то, только тогда они понимали, насколько это было дорого им. Смерть императрицы Анъ Жун тоже была запланирована Суо Цзя. На самом деле, её еще можно воскресить. Хе-хе ... приложив столько усилий, он заслуживает вознаграждения, не так ли?

Суо Цзя откашлялся и громко сказал: «Может ли кто-нибудь сказать мне, как умерла ее высочество?»

Все одновременно повернулись к Суо Цзя. Одна из служанок тихо сказала: «Ее Высочество умерла, проглотив кристалл!»

Нахмурившись, казалось бы, выполнив какие-то вычисления на пальцах, он пробормотал: «Хм... прошло не так много. Должен быть какой-то способ спасти ее!»